

Волошинов Александр Викторович**Voloshinov Alexander Victorovich**

доктор философских наук,
профессор кафедры истории Отечества и культуры
Саратовского государственного технического
университета им. Гагарина Ю.А.

D.Phil.,
Professor, Russian History
and Culture Department,
Saratov State Technical University

Табоякова Юлия Викторовна**Taboyakova Yulia Victorovna**

старший преподаватель кафедры
истории Отечества и культуры
Саратовского государственного технического
университета им. Гагарина Ю.А.

Senior Lecturer, Russian History
and Culture Department,
Saratov State Technical University

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА «ХАОС» В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF “CHAOS” IN THE HISTORY OF CULTURE

Аннотация:

В статье рассмотрена трансформация концепта «хаос», начиная с античной культуры и заканчивая современной постнеклассической наукой. В греческой мифологии хаос – это зияющая бездна, из которой произошло все сущее. Отмечено, что в бинарной оппозиции к концепту хаоса стоит понятие космоса, которое первоначально имело простой и прозрачный смысл – порядок. Античная философия возвысила слово «космос» до его современного концептуального значения – мировой порядок, царящий во Вселенной. К концу классического периода в Греции формируются две концепции, определяющие понятие «хаос»: как пустое или наполненное пространство и как животворное первоначало. Идея античного хаоса обрела свое второе рождение в философии и эстетике романтизма. Однако романтики наделили античный хаос новым смыслом, представляя его как свободу. В XX в. хаос из области философии и поэзии переходит в разряд научных понятий. Это произошло в новой науке – синергетике, которая претендовала на объяснение проблемы творения. Искусство XX в. представляло хаос как элемент креативной среды, как определенный потенциал, из которого рождается новое и прекрасное. В целом концепт «хаос», претерпевая сложную историко-культурную и семантическую трансформацию, приобретает значимый общекультурный и научный статус, дающий мощный потенциал для дальнейших исследований культуры и творчества.

Ключевые слова:

хаос, порядок, бытие, трансформация, история культуры, античность, романтизм, синергетика, «хаос порядка».

Summary:

The article deals with the transformation of the concept of “chaos” from the ancient culture up to the modern post-nonclassical science. In Greek mythology, chaos is a gaping abyss from which all that has happened. It is noted that in binary opposition to the concept of chaos is the concept of cosmos, which originally had a simple and clear meaning of the order. Ancient philosophy has elevated the word “cosmos” to its modern conceptual meaning, i.e. the world order prevailing in the universe. By the end of the classical period in Greece, there were two emerging concepts that defined the meaning of chaos as an empty or filled space and as a life-giving principle. The ancient idea of chaos found rebirth in the philosophy and aesthetics of romanticism. The romantics have given the antique chaos the third sense introducing chaos as freedom. In the 20th century, the chaos moved from philosophy and poetry to science. It happened in the new science of synergetics that claimed to explain the problem of creation. The art of the 20th century represented chaos as an element of a creative environment, a particular potential which originated something new and wonderful. In general, when undergoing a complex historical, cultural and semantic transformation, the concept of “chaos” acquires a significant cultural and scientific status providing a powerful potential for further studies of culture and creativity.

Keywords:

chaos, order, existence, transformation, history of culture, antiquity, romanticism, synergetics, chaos of order.

Концепты «хаос» и «космос» – это первичные смыслообразы, отражающие смену исторических эпох, ментальных конструкций и культурных парадигм. Для лучшего понимания закономерностей этих культурно-исторических переходов проанализируем концептуальную и, соответственно, семантическую трансформацию понятия «хаос» в истории мировой культуры.

Хаос (греч. *χαος*, от *χασσω* – ‘зевать, зиять’) – это бездна, пропасть, из которой произошло все сущее. В бинарной оппозиции к концепту «хаос» находится понятие космоса. Греческое слово *κοσμος* первоначально имело простой и прозрачный смысл – порядок. Но именно античная философия возвысила данное слово до его современного концептуального значения – мировой порядок, царящий во Вселенной. Слово «космос» имеет у греков и второй смысл: это не только

мировой порядок, но и прекрасное устройство мироздания. Это значение сохранилось в современном разговорном и научном языке. В своих исследованиях И. Пригожин ввел обозначение порядка латинским словом *ordo* (англ. *order*, нем. *Ordnung*, фр. *ordre* и т. д.), а беспорядка – греческим словом *χαος* [1, с. 9].

Античный хаос чаще всего понимают как первичное состояние мира, неупорядоченное пространство, дающее начало всему живому, некий принцип становления. Но эта общая концепция не предполагает семантического единства в трактовке понятия хаоса античными мыслителями.

В «Теогонии» Гесиода хаос мыслился как первопотенция: «Прежде всего во Вселенной Хаос зародился» [2, 116, с. 24]. У Гесиода хаос выступает и как физическое (пустое пространство мира), и как мифологическое (порождающее Эреба и Ночь) понятие. Согласно Гесиоду, хаос не является единственной первопотенцией: наряду с Хаосом в сонме первопотенций пребывают Гея, Эрос и великая бездна Тартара, которой боятся даже боги и куда были низринуты побежденные Зевсом титаны. В философии досократиков хаос как начало всякого бытия отождествлялся с водой или заполненным пространством. Например, в космогонии Аристофана хаос – это древний мифологический персонаж, в союзе с Эросом порождающий мировую жизнь, на пародийном языке Аристофана – птиц [3, 691–702, с. 48].

Позднее, к концу классического периода, в Греции формируются две концепции, определяющие понятие «хаос»: как пустое или наполненное пространство и как животворное первоначало. Первую концепцию разрабатывали Платон и Аристотель. Платон под хаосом понимал «всеприемлющую природу», т. е. чистую материю [4, 50bc, с. 454]. Согласно Платону, хаос есть невидимое и неосязаемое, не имеющее никаких физических свойств начало, которому даже нельзя дать собственное имя, ибо всякое имя предполагает те или иные свойства предмета. Аристотель же говорит о хаосе как о физическом месте, где располагаются те или другие физические тела [5, IV 208 b 31, с. 124].

Попытка научного объяснения происхождения Вселенной через понятие «хаос» появляется также и у стоиков, которые объединили это понятие с первоэлементами мироздания. В их трактовке хаос есть вода, которая путем сгущения или разрежения превращается в разные тела. Неоплатоники представляли хаос как монаду, как исходный и конечный пункт всех эманаций. Рассуждая о теологических воззрениях Платона, Прокл говорит, что «все будет участвовать в благе и восходить к единому началу» [6, с. 134]. Таким образом, учение о совпадении начала и конца стало излюбленной темой античной философии. Это совпадение влечет за собой свойства непрерывности, нераздельности и бесконечности, которыми греки наделяли понятие первородного хаоса. А.Ф. Лосев писал: «Античный хаос вечно бурлил неугомными тенденциями к порождению из себя благоустроенного космоса; а с другой стороны, космос, несмотря на все свое оформление, всегда имел тенденции снова превратиться в хаотическое состояние» [7, с. 559].

Иное значение слово «хаос» получает в римской литературе. Здесь хаос – это не начало жизни, но, скорее, конец всему или смерть. Хаос понимался римлянами как всепоглощающая бездна, в которой все разрушается и тонет. У Овидия хаос полностью отождествляется с Аидом [8, X 29–31, с. 471].

В более ранних концепциях (древнеегипетской и шумерской), а также в библейском варианте хаос не воспринимается как нечто вечное и самостоятельное. Хаос вторичен, он создан рукой Творца и всегда остается во власти Творца: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» [9, 1–2, с. 5].

В средневековой философии (Калкидий, Фома Аквинский) распространено учение о двух материях: первичной, невещественной, чистой потенции (*material*) и вторичной (*silva*), беспорядочно движущейся массе первоэлементов, являющейся результатом первого акта творения, хаотическим состоянием до появления оформленных тел. Эту вторичную материю Фома Аквинский отождествлял с хаосом древних и считал по порядку и логике первым состоянием Вселенной [10, с. 73]. Именно от этого понятия ведет историю современное понимание хаоса как первобытного беспорядка.

Идея античного хаоса обрела свое второе рождение в философии и эстетике романтизма. Английский философ, писатель Энтони Шефтсбери в своем известном труде «Характеристики людей, нравов, мнений, времен» говорит о некогда существовавшем мировом хаосе, лишенном гармонии и разума, и называет его игрой атомов (*a play of atoms*) [11, p. 297]. Однако романтики наделили античный хаос еще одним, возможно, самым глубоким смыслом, представляя хаос как свободу. Романтики считали, что такие свойства античного хаоса, как бесконечность, вечное движение, текучесть и изменчивость, с необходимостью приводят к универсальной свободе, ибо все конечное и определенное есть «несвобода». Члены Йенского кружка романтиков – Шеллинг, братья Шлегели, Новалис – эту «хаосогенную» свободу духа видели в синтезе всей культуры: науки, искусства, философии, эстетики и т. д.

Прекрасный образец синтеза искусства, поэзии и философии дает творчество русского романтика и философа Федора Тютчева. Тема первородного хаоса глубоко волновала поэта: «О, страшных песен сих не пой // Про древний хаос, про родимый!» [12, с. 73].

Тютчев остро ощущал и «античные» свойства хаоса как смертоносной разрушающей силы и животворящего начала, и романтические свойства хаоса как манящей свободы, к которой рвалась душа поэта. Тютчев, пожалуй, был единственным поэтом, через которого тема хаоса во всем богатстве ее тонких нюансов дошла до наших дней. Другим русским певцом хаоса, который, даже будучи в Соловках, находил в себе силы различать в хаосе «златотканый покров», был Павел Флоренский [13, с. 181].

В XX в. хаос впервые из области философии и поэзии переходит в разряд научных понятий. Это произошло в новой науке – синергетике, которая претендовала на объяснение мировоззренческой проблемы творения. Со времен античной мифологии было известно, что хаос породил космос. Синергетика впервые попыталась математическими уравнениями описать акт самоорганизации в сложных системах, а позднее стала рассматривать обратные процессы возникновения хаоса из космоса. Этот невиданный ранее вид хаоса, возникающий там, где согласно математическим уравнениям должен быть строгий детерминированный порядок, был назван детерминированным хаосом. Так между космосом и хаосом была установлена онтологическая симметрия. Хаос перестал быть зияющей смертоносной бездной.

Позднее была выявлена и эстетическая симметрия между космосом и хаосом. Было установлено, что «Космос и Хаос есть неразрывные, дополняющие друг друга и переходящие друг в друга сущностные и эстетические начала природы и искусства. Эстетика Космоса – это созидание нового порядка, созидание красоты. Эстетика Хаоса – это предчувствие зарождения нового порядка, ожидание красоты. Космос – это красота актуальная, тогда как Хаос есть красота потенциальная» [14, с. 16].

Искусство XX в. старалось не отставать от научных концепций своего времени и также представляло хаос как элемент креативной среды, как определенный потенциал, из которого рождается новое и прекрасное. Примером соединения науки и искусства, порядка и хаоса является творчество нидерландского художника Маурица Эшера, в частности его работа «Порядок и хаос», где расположенный в центре композиции звездчатый додекаэдр символизирует порядок, а хаос представлен разбросанным вокруг него мусором. На грани порядка и хаоса балансируют и картины выпускника факультета нейробиологии Пенсильванского университета Грега Данна. Изображаемые Данном фрактальные структуры нейросетей головного мозга человека, хорошо известные Данну как доктору нейробиологии, поражают взаимопроникновением порядка и хаоса и в чем-то напоминают анатомические рисунки Леонардо да Винчи.

Однако взаимопроникновение хаоса и порядка в ментальных конструкциях таит в себе определенную опасность. И.В. Кондаков по этому поводу пишет следующее: «В искусстве XX в. и в его теоретических отображениях происходит сближение и взаимопроникновение “хаоса” и “порядка” – вплоть до их полного неразличения: последние приметы порядка начинают растворяться в хаосе бытия» [15, с. 11]. Так появляется культурный феномен «хаос порядка», становящийся нормой для современности.

И.В. Кондаков называет ряд предпосылок возникновения оксюморона «хаос порядка»: появление концепции движущейся эстетики у В.Г. Белинского, кульминацией которой стала формула разрушения эстетики, выдвинутая Д.И. Писаревым [16, с. 424–425]; культурно-исторические и социокультурные потрясения, обрушившиеся на Россию в XX в.; такие «непредсказуемые механизмы культуры», как «переход структурной единицы смысла в свою противоположность», о которых писал Ю.М. Лотман в своей посмертной работе [17, с. 175]; «Манифест футуризма», стихийное умножение видов искусства; развитие модернизма, авангарда и постмодернизма в искусстве XX и XXI вв.; возрастающая условность форм искусства, то проникающая в жизнь, то резко от нее отталкивающаяся. Таким образом, феномен «хаос порядка», который возникает в условиях усложнения и плюрализации культурного контекста и в завуалированной форме подразумевает разрушение хаосогенными силами существующего порядка вещей, является маргинальным и опасным свойством современной культуры.

В целом концепт «хаос», претерпевая сложную историко-культурную и семантическую трансформацию, приобретает значимый общекультурный и научный статус, дающий мощный потенциал для дальнейших исследований культуры и творчества.

Ссылки:

1. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. Изд. 5-е. М., 2005. 296 с. (Синергетика: от прошлого к будущему).
2. Гесиод. Теогония // Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001. С. 20–51.

3. Аристофан. Птицы // Аристофан. Комедии : в 2 т. Т. 2. М., 1983. С. 5–103.
4. Платон. Тимей // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 421–501.
5. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 3. М., 1981. С. 59–221.
6. Прокл. Платоновская теология. СПб., 2001. 624 с.
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики : в 8 т. Т. 1. Ранняя классика. М. ; Харьков, 2000. 624 с.
8. Овидий. Метаморфозы // Античная литература. Рим : антология. 2-е изд., испр. М., 1988. С. 470–492.
9. Бытие // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1991. С. 5–50.
10. Святой Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. 1. Вопр. 1–64 / под ред. Н. Лобковица, А.А. Апполонова. М., 2006. 818 с.
11. Shaftesbury A.A.C. The Moralists: a Philosophical Rhapsody // Shaftesbury A.A.C. Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times : with a Collection of Letters. Vol. 2. Basil, 1790. P. 147–384.
12. Тютчев Ф.М. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1980. 84 с.
13. Флоренский П.А. Письма из Соловков // Флоренский П.А. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. М., 1998.
14. Волошинов А.В. Математика и искусство. 2-е изд., дораб. и доп. М., 2000. 399 с.
15. Кондаков И.В. «Хаос порядка» как категория современной культуры // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 17. С. 11–19.
16. Писарев Д.И. Разрушение эстетики // Писарев Д.И. Сочинения : в 4 т. Т. 3. М., 1956.
17. Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллин, 2010.

References:

- Aristophanes, 1983, *The birds*, comedies, in 2 vols., vol. 2, Moscow, pp. 5-103, (in Russian).
- Aristotle, 1981, *Physics*, compositions, in 4 vols., vol. 3, Moscow, pp. 59-221, (in Russian).
- 'Being' 1991, *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisanija Vetkhogo i Novogo Zaveta*, Moscow, pp. 5-50, (in Russian).
- Florensky, PA 1998, *Letters from Solovki*, collected works, in 4 vols., vol. 4, Moscow, (in Russian).
- Hesiod, 2001, *Theogony*, full collection of texts, Moscow, pp. 20-51, (in Russian).
- Kondakov, IV 2011, "The chaos of order" as a category of modern culture', *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye*, no. 17, pp. 11-19, (in Russian).
- Losev, AF 200, *The history of ancient aesthetics*, in 8 vols., vol. 1, Moscow, Kharkov, 624 p., (in Russian).
- Lotman, YuM 2010, *Unpredictable mechanisms of culture*, Tallinn, (in Russian).
- Ovid, 1988, 'Metamorphoses', *Antichnaya literatura. Rim: antologiya*, 2nd ed., Moscow, pp. 470-492, (in Russian).
- Pisarev, DI 1956, *The destruction of aesthetics*, compositions, in 4 vols., vol. 3, Moscow, (in Russian).
- Plato, 1994, *Timaeus*, collected works, in 4 vols., vol. 3, Moscow, pp. 421-501, (in Russian).
- Prigogine, I & Stengers, I 2005, *Order out of chaos: Man's new dialogue with nature*, 5th ed., Moscow, 296 p., (in Russian).
- Proclus, 2001, *The theology of Plato*, St. Petersburg, 624 p., (in Russian).
- Shaftesbury, AAC 1790, 'The Moralists: a Philosophical Rhapsody', *Shaftesbury A.A.C. Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times: with a Collection of Letters*, vol. 2, Basil, pp. 147–384.
- St. Thomas Aquinas, Lobkovits, N & Appolonov, AA (eds.) 2006, *Summa Theologica*, Part 1, Issues 1-64, 818 p., (in Russian).
- Tyutchev, FM 1980, *Compositions*, in 2 vols., vol. 1., Moscow, 84 p., (in Russian).
- Voloshinov, AV 2000, *Mathematics and art*, 2nd ed., Moscow, 399 p., (in Russian).